

УДК 15
ББК Ю91(0)я73-1
Ф 333

Фёдоров А. А. История донаучной психологии: психософия: Учеб. пособие по курсу «История психологии» / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 102 с.

ISBN 5-94356-276-1

В данном учебном пособии рассмотрен исторический путь психологии от первых попыток психософского осмысления внутреннего мира человека до начала оформления ее в научную дисциплину. Также рассмотрены некоторые особенности истории психологии как науки, предложена бинарная систематизация ее методологических установок. Пособие предназначено для студентов факультета психологии.

Рецензент
канд. психол. наук О. Н. Первушина

Рекомендовано к печати Ученым советом факультета психологии

ISBN 5-94356-276-1

© Новосибирский государственный
университет, 2005

РАЗДЕЛ VIII

ШТРИХИ К ИСТОРИИ РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ψ

Ψ

Русская психология: идейные истоки

Если говорить о философских истоках русской психологической мысли, стоит сразу упомянуть, что в большинстве случаев философом в допетровской Руси называли, прежде всего, человека, углубленно комментирующего Библию. И именно объединение христианских идей с античным наследием определило своеобразие русской психософии.

Первые психологические идеи (если не принимать во внимание языческие воззрения, которые мы не будем рассматривать, поскольку не анализировали ни античную, ни кельтскую, ни другие мифологические системы) пришли на Русь из Византии. Киевский митрополит греческого, разумеется, происхождения **Никифор** (ум. в 1121 г.) в послании князю Владимиру Мономаху «О посте и о воздержании чувств» касается и психологических аспектов. Он проводит принципиальное различие между душой и телом, говоря, что «внутри нас идет большая борьба, и противится плоть духу, а дух плоти» [22. С. 368]. Эта борьба, согласно митрополиту, должна закончиться победой духа, которую он одержит, укротив телесные страсти.

Поднимая вопрос о сущности души, митрополит Никифор повторяет *трехчленное платоновское деление*: «... Душа состоит из трех частей, т. е. имеет три силы: разумное («словесное»), чувственное («яростное») и волевое («желанное»)» [Там же. С. 369]. Очевидно, что упоминание о трех силах – это следствие влияние аристотелевских идей о трех способностях. Но воспроизведя форму, Никифор наполнил ее совершенно иным содержанием. Так, *разум*, отличающий человека от животного, есть средство восхождения к Богу. *Чувственное начало* задействуется, когда человек реализует усердие к Богу или мстит Божьим врагам. О *воле* же речь заходит, если человек «всегда думает о Боге (имеет желание к Богу), и забывает об ином» [Там же. С. 370]. Митрополит локализует душу в голове и пишет, что она действует при помощи пяти своих «слуг», т. е. органов чувств. Из них, однако, следует доверять только зрению, а к слуху, вкусу, обонянию и осязанию следуют относиться критически. Это не означает, что им нельзя верить, просто следует помнить о том, что в одних случаях они дают правильную информацию, в других нет. Почему это так, Ники-

фор не знает, в чем и признается. Интересно, что митрополит рисует антропоморфную модель общества, где тело – это государство, князь – разум, а слуги – органы чувств.

К числу древнейших памятников отечественной философии и письменности относят «Палею толковую». Этот труд, созданный около XIII в., носит компилятивный характер и является подобием древней энциклопедии. В разделе «О сотворении человека» указывается, что «Он [Бог] сначала устроил телесный сосуд, а потом сотворил душу и вложил в него» [23. С. 658]. Стоит заметить, что материальная субстанция – это не только тело, но еще и прах, и плоть. *Прах* – это вещество, из которого создан человеческий организм, говоря современным языком, химические элементы. *Тело* – это собственно анатомические структуры человека. *Плоть* – это некая совокупность физиологических процессов, которые являют собой благодатную почву для возникновения грехов (сладострастие, пьянство, вожделение, обжорство), а потому должны подчиняться душе. Сама *душа* бывает животной и человеческой. У животных душа – это кровь, что, видимо, связано с древнегреческим влиянием. Так, например, Эмпедокл и Аристотель считали именно кровь основой душевных функций. В силу своей материальной сущности душа животных смертна. Что касается *человеческой души*, то она «бесплотна и невидима и невыразимо отличается от телесного вещества» [Там же. С. 659]. Душа бессмертна, но не имеет, тем не менее, божественной природы. В «Палее» говорится, что если бы душа была таковой (т. е. божественной), то у всех людей она была бы одинаковой. Но это не так, поскольку у одних людей она *мудра*, у других – *неразумна*, у третьих – *безумна*, у четвертых – *способна к размышлению*. Создав душу, Бог одарил человека и *свободной волей*.

Стоит также упомянуть о различии между душой и умом. Ум в «Палее» выступает как могущественная сила бесплотной души. Это разделение, с точки зрения автора, напоминает отношение между манасом и атманом в ряде древнеиндийских даршан, где сознание (манас) выступает как своеобразная функция души (атмана). Ум локализуется в мозге и основная его функция – *понимать* то, что ему по нервам доставляют органы чувств. Эта точка зрения находит поддержку и в ряде современных психологических концепций. Так, А. Ю. Агафонов, автор смысловой теории сознания, пишет, что «*понимание* – родовая функция сознания» [24. С. 14]. Ум способен трансцендировать за пределы чувственного опыта подобно тому, как пламя стремится ввысь. В «Палее» можно зафиксировать некий парадокс. С одной стороны, в ней говорится о взаимодействии сенсорных систем и ума (например, «что увидят глаза, он [при помощи] поднимающихся к не-

Трансцендентный – термин, возникший в Средние века и обозначающий все то, что выходит за пределы сенсорного познания.

му жил понимает» [23. С. 660]), с другой – утверждается, что «ум не нуждается ни в каких телесных чувствах» [Там же. С. 659]. Скорее всего, речь идет о различии чувственного и рационального познания, которое носит характер некой *трансцендентной* интуиции.

Зачатие в тексте трактуется как соединение духовного мужского и чувственного женского начала: «От мужа одушевленное семенное извержение смешивается с встречной женской кровью, когда все душевное и чувственное соединяется вместе» [Там же. С. 672]. При этом в тексте специально оговаривается, что нельзя на душу возводить той лжи, что она-де дается ребенку от мужчины, смешиваясь с «тленным и мерзким». Ни душа, ни тело само по себе еще не есть человек, но только соединение обоих дает целостного человека. И говоря о параллелизме духовного и телесного, автор «Палеи» отмечает, что они взаимовлияют друг на друга: «Отличаясь по природе от тела, душа соединена с ним в одном существе ... и восприимчива к плотским страданиям и болезням; тело же страдает от душевных мук и скорбей» [Там же. С. 674].

Выше отмечалось, что ум помещается в мозг. Однако это не совсем верно. Напомним, что в Средние века превалировала точка зрения Аристотеля, который считал, что душа находится в сердце. В «Палее толковой» же предпринимается попытка выработать некое компромиссное решение проблемы локализации. Хотя и говорится, что местом локализации ума является мозг, но часть ума все же от сердца, часть ума – от души, а часть – собственно от мозга. При этом «если душа, сердце и головной мозг находятся в согласии, то они ведут человека на благое ... и лукавый дух нимало не преуспее, если все трое объединятся» [Там же. С. 675]. Мысль при этом выполняет информационную функцию, доставляя в тело вести, которые затем «обсуждают» душа, сердце и мозг. Особая ценность этой информации заключается в том, что она выходит за пределы чувственного опыта: «... и то, что бывает не видимым телесными очами, становится видимым износимой мыслью» [Там же. С. 675].

В «Палее» можно найти также и первые сведения из области *анатомии центральной нервной системы*. Так, мозг описывается как сероватый, белый, разнообразный, слоистый и покрытый тонкой пленкой. В этом тексте также встречаются сведения, относящиеся к *физиогномике* и восходящие к Аристотелю. Например, говорится о том, что большие и сильно оттопыренные уши означают пустослова и празднослова (глупость и болтливость).

Физиогномика – учение о связи между внешним обликом человека и его характером.

В XIV–XV вв. на Руси начинают распространяться еретические и антицерковные учения. С точки зрения историко-психологического исследования для нас интересна **ересь «жидовствующих»**, названных так из-за

их связи со средневековой еврейской культурой. Остановимся только на одном моменте, опираясь на труд одного из вождей еретиков Федора Курицына «Написание о грамоте». В нем нас интересует психолого-филологическое толкование души, согласно которому союз тела и души трактуется как *союз гласных и согласных букв*. Согласная буква символизирует плоть (материальное начало), а гласная – оживляющую плоть душу. При этом человек, владеющий грамотой, т. е. образованный человек, становится подобен Богу. Преодоление человеком невежества наделяет его свободной волей, она освобождается от тленности мира и устремляется к Творцу. Сделаем, однако, оговорку: грамота – это не просто образованность, но образованность, совмещенная с тайным еретическим знанием.

Завершить рассмотрение идейных истоков русской психологической мысли хотелось бы анализом апокрифа «Галеново на Гиппократата», датируемого XV столетием. Он считается переводом нескольких фрагментов из комментариев Галена к «Своду Гиппократата». Автором выделяются четыре жидкости, из которых состоит человек: кровь, мокрота, красная и черная желчь. Эти жидкости по-разному сочетаются в разных возрастах, что дает возможность провести подобие психологической классификации:

1) у *детей* характер горячий и легкий: доминирует кровь;

2) у *юношей* характер пылкий, вспыльчивый и страстный: доминирует красная желчь;

3) в *зрелом возрасте* характер суровый, сухой и холодный под влиянием черной желчи;

4) в *старости* человек становится податливым, медлительным, печальным, беспамятным: сказывается влияние мокроты.

В итоге автор апокрифа говорит: «Кровь делает душу милостивой и податливой, мокрота же, т. е. флегма, – медлительной и забывчивой. Красная желчь – честной и благопристойной» [25. С. 729]. Он не отступает и от традиционных античных представлений о трехсоставном устройстве души, выделяя в ней словесную, яростную и желающую части. Интересно также, что с каждым чувством в тексте сопоставлен определенный первоэлемент: зрение – эфир, обоняние – воздух, слух – огонь, вкус – вода, осязание – земля. Эта цепочка не случайна: грубые ощущения связываются с плотными стихиями, а наиболее достоверное и тонкое зрительное восприятие соответствует бескачественному эфиру. Так возникает умозрительная конструкция, которую можно было бы назвать *сенсорно-субстанциональной лестницей*.

Появление апокрифа «Галеново на Гиппократата» стало знаменательным фактом для дальнейшего развития донаучной психологии на Руси. Его содержание совершенно не связано с православной традицией и имеет есте-

ственно-научный характер. Вероятно, этот апокриф стал первым знаком того, что возникает новый подход к рассмотрению души – *деистическо-материалистический*, в рамках русской психософии впервые четко реализованный в учении М. В. Ломоносова.

Деизм – это философская установка, возникшая в эпоху Просвещения, согласно которой Бог, сотворив мир, более не вмешивается в закономерное течение его событий.

Психология в России: XVIII век

В XVIII в. российская психология формировалась в русле мировой психологической науки, поэтому, имея и самобытные черты, она развивается в принципе схожие с европейскими теории.

**Михаил Васильевич
Ломоносов
(1711–1765)**

Русский ученый-энциклопедист, философ, поэт.

Основы психологии в нашей стране заложил **М. В. Ломоносов**. Его психологические воззрения формируются под воздействием Локка и Христиана Вольфа, лекции которого в Марбургском университете Ломоносов посещал.

Ломоносов строит материалистическую психологию в духе механицизма. Он полагал, что все душевные процессы человека представляют собой продолжение движений, которые начинаются в органах чувств при воздействии извне. Он отвергал существование врожденных идей и считал, что все наше знание является опытным.

При этом Ломоносов пытается синтезировать эмпирические и рациональные представления. Именно поэтому он отводит разуму активную роль при ассоциации идей. Философ считает, что психология должна быть объективной наукой, поскольку любые психические события отражаются в телесных изменениях, что делает возможным наблюдение.

Развивая учение о психических процессах, Ломоносов не просто называет пять базовых чувств (обоняние, осязание, слух, зрение и вкус), но и пытается дать их дифференцированное описание. Так, он выделяет следующие вкусовые ощущения: *едкий* (как винный спирт), *кислый* (как уксус), *горький* (как смола), *острый* (как редька), *солёный* (как соль), *терпкий* (как незрелый плод), *сладкий* (как мед). Возникновение же самих вкусовых ощущений (как и всяких других) Ломоносов трактует механистически: «Жизненные соки в нервах... возмещают в голову бывающие на концах их перемены, сцепясь с прикасающимися им внешних тел частицами» (Цит. по: [26. С. 182]). При этом философ пытается анализировать ощущения не обособлено, а в связи друг с другом. Так, запахи совмещены со вкусовыми качествами (кислый вкус действует на нос и кислым запахом).

Но Ломоносов полагает, что определяющим в познании является все-таки *словесное мышление*, а не чувства. Именно способность мыслить при помощи языка (современное словесно-логическое мышление) отличает человека от животных. Мышление оперирует идеями, которые философ определяет как представления вещей или действий в уме. Важным при этом является сугубо человеческая способность *совоображения*, которая заключается в том, что человек может с одной представленной в уме вещью воображать другую, с ней сопряженную (представив корабль, мы представляем и море, по которому тот плывет). Отметим еще, что, с точки зрения Ломоносова, человек наделен *свободной волей*, а потому должен нести ответственность за свои поступки. При этом он не отрицал и тот факт, что поведение человека частично зависит и от условий жизни человека.

А. Н. Радищев разрабатывает параллельно материалистические и идеалистические взгляды. Свое учение о человеке и его душе Радищев изложил в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792).

Душа, с точки зрения мыслителя, основывается на телесных функциях, а потому ее существование зависит от тела: мозга, нервов, чувственных каналов. Человек выходит из животной среды, связан с нею, хотя и имеет ряд специфических особенностей, к которым Радищев относит *прямохождение, наличие рук, мышление и речь*. Вместе с тем Радищев развивает точку зрения о существовании некой особой активности души («мысленность»), которая влияет на тело и является бессмертной. Он рассуждает следующим образом. Цель жизни заключается в стремлении к совершенству и блаженству. Бог не может позволить, чтобы эта цель была напрасной. Поэтому разумно полагать, что после смерти одной плоти человек приобретает другую и непрерывно продолжает свое совершенствование.

Радищев также приводит ряд доказательств главенствующей роли души.

1. Все движения человека принадлежат ему самому: «Речешь себе: иди, и шествуешь».

2. В какой мере человек властен над своими мыслями, в той же мере он властен и над своими желаниями и страстями: «Тут мы видим власть души над телом, и власть сия есть самодержавна».

3. Страсти и желания «суть действия нашей души, а не телесности».

**Александр Николаевич
Радищев
(1749–1802)**

Русский философ, учился в Лейпциге (1766–1771).

4. Душа человека обладает уникальной способностью к самопознанию, рефлексии: «человек один столь ясно и живо ощущает и что он существует, и что он мыслит, и что мысль его принадлежит ему» (Цит. по: [27]).

Противоречивость трудов Радищева до сих пор вызывает многочисленные споры по поводу того, был он материалистом или дуалистом. Автор склонен солидаризироваться с последней точкой зрения. Скорее всего, мысленность – это некое свойство вещественности, ее сила. Многие части его труда однозначно указывают на то, что Радищев полагал, что мозг является «престолом» психических процессов. Более того, доказывая материальность мысленности философ обращается к аналогии с электромагнитным полем: «Не бойся, – пишет он, – я мысленности твоей на безмен не положу... Кто знает протяжение и образ силы магнитная, кто взвешивал ее? Но кто отрицать станет, что она не вещественна?» (Цит. по: [28. С. 91]). Философ явно отходит от механистического толкования природы души, отказываясь от атомистических аналогий (которые свойственны

Уотсоновский бихевиоризм – исторически первая форма бихевиоризма, созданная в 1913 г. Джоном Уотсоном. Основной установкой было разбиение поведения на составляющие его части (атомы): стимулы и реакции.

ны ассоцианизму и *уотсоновскому бихевиоризму*) и перенимая аналогии из физики поля (как это сделала позднее гештальтпсихология). Что касается бессмертия мысленности, то здесь аргументация философа становится пантеистической (в духе Спинозы), и он отмечает, что после смерти мысленность, быть может, вступает в союз с другими стихиями. Радищев говорит, что

здесь он вступает в область предположений, и если в смертности психики он уверен, то в бессмертии мысленности – отнюдь, отмечая, что, «увы, догадка не есть действительность» (Цит. по: [28. С. 97]).

Отметим, что Радищев не согласен с Гельвецием, который сводил все познание к чувственному опыту. Он полагает, что ощущения от разных органов чувств интегрируются в некий единый образ. Этой интеграцией занимается мышление. Так, он считает, что хотя каждый глаз получает отдельное впечатление о колоколе, душа их соединяет в одно. Другими словами, Радищев ясно понимал различие между чувственным опытом и мышлением относительно объекта. При этом познавательный акт философ тесно связывал с волевыми процессами, полагая, что познание – активный процесс, предполагающий *способность к выбору*.

Говоря об основной отличительной психологической черте человека, Радищев подчеркивал, что человек, прежде всего, существо «*соучаствующее*». Под «соучаствованием» он понимал эмоциональное действенное включение человека в дела другого человека. Это некая «действенная эмпатия», которая не ограничивается простым сопереживанием, но подразумевает и активную помощь. Основой ее становятся моральная свобода и

нравственная ответственность – категория, схожая с фейербаховским нравственным долгом.

Укажем в конце, что в 1789 г. Радищев написал книгу «Рассуждения о труде и праздности», затрагивающую вопросы мотивации труда.

В 1789 г. в издательстве Московского университета выходит перевод книги немецкого психолога Кампе (*славного*) «Краткая психология, или учение о душе для детей». И уже в 1796 г., как указывает Ждан, **Иван Михайлов, протонерей Кандорский** (И. М. Кандорский), опираясь на воззрения Локка, издает первую в России книгу, посвященную специально психологии, – «Наука о душе, или ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия» [9]. Эта книга – потрясающее по своей лаконичности и полноте психологическое исследование, последовательное и логичное. Кандорский начинает с того, что дает определение душе: «То, что в нас мыслит, или иначе, что познает и ощущает обстоящие нас вещи, называется душа» [29. С. 169].

При этом Кандорский, демонстрируя свою полную осведомленность в европейской философии, критикует «странных людей»: материалистов, признающих существование только тел, и идеалистов, признающих существование только душ. Он определенно занимает позицию *дуализма*, ссылаясь на Декарта.

В душе нет частей, это простая сущность, в которой можно выделить две главные способности: *разум* и *волю*. Разум (*способность познания*) есть способность души понимать вещи и рассуждать о них, т. е. познавать истину. Воля (*способность хотения*) – это такая способность души, которая признает добрым то, что разум признал истинным, а злым то, что разум определил как ложное. Поэтому от познания рождается желание, ибо чего мы не знаем, того и желать не можем.

В познавательных способностях Кандорский выделяет низшую и высшую ступени. *Низшая ступень познания* включает понятия (идеи), чувствования, воображение, память, воспоминание и вымышление. При этом общим орудием для всех них является мозг. *Идеи* подразделяются на два рода: *ясные* (когда мы можем отличить представляемую вещь от других) и *темные* (когда вещи неразличимы). Это деление предполагает наличие в душе *способности различения*.

Трактуя ощущения, Кандорский придерживается механистической концепции, считая, что они возникают под воздействием мелких частиц. Так, «слух рождается ... когда тела одно об другое ударяются, ... обоняние делается от частиц самых тончайших, [а от движения тонких жилок] рождается чувство осязания» [Там же. С. 175].

Кандорский даже пытается сформулировать правила того, как душа действует при помощи чувств. Он формулирует *четыре закона*.

1. При воздействии вещи на неповрежденные органы чувств ощущение возникает, хотим мы этого или нет.

2. При одновременном сильном и слабом воздействии последнее мы чувствуем не так ясно, как если бы сильного воздействия не было.

3. При одинаковых воздействиях возникают одинаковые чувства, при разных – разные.

4. Когда прекращается действие предметов на органы чувств, прекращается и само чувство.

Воображение – это способность представлять вещь, которую мы прежде чувствовали. От воображения зависят и сны, ибо то, что мы видим наяву, то нам во сне и изображается. От него же происходит и *память*, которая «уверяет нас, что воображаемая идея была когда-то нашим чувствам представлена» [Там же. С. 177]. *Вспоминание* (в отличие от памяти) требует усилия, а *вымысление* – это способность фантазировать, из которой проистекают литература, живопись, архитектура.

К *высшей ступени познания* принадлежат: внимание, разум и остроумие. *Внимание* – это сосредоточенность на одной вещи, *разумение* – это

Апостериори и априори – противопоставление двух видов знаний, зародившееся в Новое время (Декарт, Лейбниц) и развитое Кантом. *Апостериори* – опытное познание, *априори* – знание, предшествующее опыту и независимое от него.

мышление, которое невозможно без речи, из него *проистекает* *глубокомыслие*, которое заключается в способности познавать не только саму вещь, но и ее части. Что касается *остроумия*, то это скорость в глубокомыслии. При этом само познание может быть трех видов: *апостериорное* (только при помощи чувств), *априорное* (только при помощи разума, примером которого являются математические истины) и *совокупное*.

Волевые способности (*желания*) определяются Кандорским через *приятность*: «Чем вещь совершеннее, тем больше чувствуем от нее приятности» [Там же. С. 185]. Желание – это стремление возбудить в себе чувство приятности, а отвращение – стремление не чувствовать неприятности. Самой высшей степенью желания или отвращения является *страсть*. Выделяются два вида страстей:

- приятные и неприятные;
- производящие и производные.

Производящие страсти – это радость и печаль. *Радость* – наивысшая степень приятности. Производимых страстей великое множество. *Любовь* – это радость, которую мы чувствуем от совершенства другого лица или вещи. Знаки этой страсти проявляются в глазах и разговорах и утаить их весьма трудно. *Ненависть* – это печаль, которую мы ощущаем от совершенства другого. Существуют два ее вида: *насмеяние* – радость о не-

счастье другого и *зависть* – печаль о счастье другого. *Боязнь* – печаль о будущем зле. *Гнев* – печаль о нанесенной обиде с желанием отмщения.

Кандорский также разбирает четыре вида темперамента. Люди с теплой, жидкой и красной кровью веселы, не спесивы, склонны к роскоши и остроумны. Это *сангвиники*. Люди с примесью в крови светлой желчи имеют мысли скорые, славолубивые, упрямые и трудолюбивые, обыкновенно удаляются от роскоши. Это *холерики*. Если кровь с черной желчью, то люди боязливы, жестоки, молчаливы и остроумны. Это *меланхолики*. А когда в крови много мокроты, человек бывает ленивым и неповоротливым умом и телом. Такие люди называются *флегматиками*. Как можно увидеть, здесь повторяется типология Гиппократа.

Несмотря на явную христианскую направленность «Науки о душе», Кандорский говорит о том, что не стоит отвергать влияние тела, хотя может и система *предустановленного согласия* не так уж и бессмысленна.

Предустановленное согласие – теория, согласно которой сознание и тело каузально не взаимодействуют, хотя ментальные и физические события коррелируются, словно часы, которые показывают одинаковое время. Этой теории придерживались Мальбранш и Лейбниц.

Отметим в конце, что, по мнению философа, «животные великую имеют разность от человека» [Там же. С. 218.]. У них есть только низшая ступень познания, но нет разума и свободной воли.

И. М. Кандорский затрагивает и множество других аспектов учения о душе, что позволяет заключить, что его труд внес большой вклад в развитие психологической мысли.

Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790), талантливый историк и экономист, также предпринимает анализ соотношения души и тела. В труде «Разговор о бессмертии души» он доказывает, что душа является нематериальной субстанцией, координирующей систему телесных органов. Это сочинение построено в виде диалога и напоминает потому платоновский стиль. Он объявляет учения, которые утверждают смертность души, безумными, а к главным «помешанным» относит Эпикура, Спинозу и Гоббса. Конфуций, индийские брахманы, Фалес, Пифагор и другие философы, признающие бессмертие духовного начала в человеке, объявляются в диалоге мудрецами. При этом он также ссылается на «мудрейших» египтян, которые ради бессмертия души «сообраивали огромные пирамиды и другие здания» [30. С. 278].

Основное же доказательство бессмертия души у Щербатова сводится к тому, что она «слабостям телесным не подвержена, и сон ее точно отяготить не может» [Там же. С. 276]. Признав это, философ говорит, что к слабостям тела отношения может не иметь только бессмертное существо.

Характеризуя сущность души, Щербатов говорит, что она бесплотна, частей не имеет, идеально приспособлена для познания и является причиной самой себя, т. е. обладает свободой воли. И даже опытное знание всецело зависит от деятельности души, активность которой дает возможность для возникновения ощущений.

Укажем в заключение, что в это время получила развитие и этнопсихологическая проблематика. Причины этого были в основном политическими: знание нравов врага важно в случае войны также, как и знание о его укреплениях. Так, «Наставление» для северо-восточной экспедиции Биллингса и Сарычева (1785–1795) содержало не только научные, но и секретные политические задачи: «сколько возможно сведать о земле чукчей, силе и нравах этого народа...» (Цит. по: [27]).

Развитие русской психологии в XIX веке

Психология в России XIX в. особенно ценна материалистическими взглядами. Активное развитие религиозно-философских идей приходится уже на этап научной психологии, после 1879 г.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), литературный критик, оставил и ряд психологических идей. Во-первых, он признавал величайшую ценность личности человека, что сближает его с *гуманистической психологией*. Во-вторых, Белинский пишет о том, что психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Сущностью человека он считал духовность, которая есть чувство, разум и воля. Духовность человека, по мнению Белинского, научному познанию недоступна. Он говорит, что «чем живее созерцаю внутри себя сущность личности, тем менее умею определить ее словами».

**Александр Иванович
Герцен
(1812–1870)**

Русский философ, революционер.

А. И. Герцен писал о том, что психика является *функцией мозга*. Но его взгляды нельзя отождествлять с классическим европейским материализмом, согласно которому психические процессы пассивны и всецело зависят от внешних воздействий. Он говорил о том, что теория чувственного мышления была своего рода механической психологией, но что существуют и другие проблемы, решение которых может быть основано только на признании того, что человек обладает

активным сознанием, которое обеспечивает свободу действий человека. Но и решая этот вопрос, Герцен остается детерминистом: сознание

принимает решение о выборе действия, взвешивая условия и опираясь на память и чувства.

Мышление, по Герцену, естественно, потому что оно является лишь высшей ступенью в развитии постоянно усложняющейся природы. При этом мышление возникает в силу необходимости, а его носителем является *самопознающий* мозг. При этом Герцен принимает установку, весьма напоминающую тезис Парменида о единстве бытия и мышления: «Законы мышления – осознанные законы бытия» (Цит. по: [32. С. 101]).

Укажем еще на то, что Герцен считал необходимым исторический подход при изучении человека. При этом он полагал, что психология является связующим звеном между физиологией, на которую она опирается, и историей, основной которой она служит.

Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) рассматривал материю как единственную реальность. Именно поэтому гармония является основой мира, а тело и душа человека – высший этап развития материи – также находятся в единстве. Добролюбов считал сознание *продуктом телесной организации*, а душу он определял как силу, проникающую во все части организма. При этом душа обладает разными степенями сознательности, достигая наиболее высокого уровня сознания в нервной системе и особенно мозге. При этом сенсорное восприятие целиком заключено в деятельности нервной системы. Добролюбов пишет: «Акт зрения не состоит только в том, чтобы видимый предмет отразился в нашем глазе; главное дело здесь в том, чтобы нерв зрения был возбужден и передал в мозг впечатление о предмете» (Цит. по: [31. С. 65]). При этом деятельность мозга, его физиологические процессы имеют прямое отношение не только к восприятию, но даже и к нравственной жизни человека. В статье «Основания опытной психологии» Добролюбов вновь возвращается к вопросу о том, что мозг является единственным субстратом душевной жизни человека. Он отвергает точку зрения идеалистов, что мозг слишком прост по составу, чтобы быть единственным источником психической активности. Он пишет, что «в органическом царстве мы не знаем ничего, что имело бы ... более сложное строение» (Цит. по: [31. С. 67]).

Опираясь на Локка, он полагал, что врожденных идей нет, а источником всего являются ощущения, из которых в процессе психической деятельности возникают понятия и суждения. Основная цель развития человека, согласно Добролюбову, – *достижение гармонии* между естественными потребностями и требованиями долга. В этой части своей психологии он довольно тесно сближается с Фейербахом.

Стоит указать, что Добролюбов рассматривает личность как историческое явление, деятельность которой включена в жизнь народа.

Френология – направление в психологии, основанное Галлем, который полагал, что каждой психологической способности соответствует определенный участок мозга. Диагностика этих способностей возможна по форме черепа.

Отметим также, что он выступал против вульгарного материализма, который развивался во Франции, а также критиковал *френологию*.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) различал в деятельности человека два аспекта: *физический* (движения в пространстве и т. д.) и *психический* (мысли, желания).

При этом он стоял на принципах детерминизма и полагал, что любое явление душевной жизни должно иметь причинное объяснение.

Традиционно одним из достижений Чернышевского считается разделение *темперамента* и *характера*. Темперамент он считал биологически обусловленным, а характер – социально формируемым. Отметим, что Чернышевский разрабатывает и понятие «народного характера», которое по смыслу было схоже с понятием «дух народа» у Гегеля, Лацаруса и Штейнталя. Не будем останавливаться вновь на соотношении души и тела (Чернышевский трактует сознание как свойство мозга), а обратимся к социально-психологическим аспектам его философии. Чернышевский подчеркивает, что люди обладают врожденным доброжелательством относительно других, и эта его позиция сходна со взглядами Руссо о «естественном состоянии». Но каждый человек хочет удовлетворить свои потребности, а средств для их удовлетворения недостаточно для всех. Именно этот фактор приводит к тому, что возникает дисгармония, «расстройство взаимного доброжелательства» (Цит. по: [31. С. 38]).

Отметим, что философ считал разницу между психикой животного и человека исключительно *количественной*. Но при этом он говорил о том, что у животных есть только биологические потребности, а у человека к ним добавляются и духовные (нравственно-эстетические).

Нельзя не отметить и **Потебня Александра Афанасьевича** (1835–1891), русского филолога и лингвиста, который был последователем Гумбольдта, Вундта, Лацаруса и Штейнталя. Он первым выступил за объединение истории, филологии и психологии.

В его трактовке *язык – это основа народной психологии*. Для Потебня, язык – это *орудие сознания* и элементарной обработки мысли. В связи с этим он определял *народность* не тем, что выражается языком, а тем, как выражается. Поэтому Потебня рассматривал языки как *глубоко различные системы приемов мышления*, присущие этническим общностям.

Таким образом, Потебня стоял на *принципе историзма*, в соответствии с которым эволюция умственных структур осуществляется благодаря усвоению языка. Выступив инициатором построения *культурно-исторической психологии*, Потебня, по сути, пытался создать в России то,

что Вундт – в Германии. Оба они считали основой народной психологии язык и пытались построить на этом основании свою версию психологии, вполне справедливо полагая, что исследование языка может предоставить эмпирический материал для психологии этнических групп и народов.

Заканчивая обзор донаучной психологии в России (т. е. до 1870-х гг.), укажем еще лишь на русского основателя объективного подхода в психологии **И. М. Сеченова**. Он считал, что у человека «нет никаких специальных умственных орудий для познания психических фактов, вроде внутреннего чувства или психического зрения» [33. С. 118]. И на основании этого он заключает, что только *физиология* может претендовать на истинно научный анализ психических явлений. Поэтому, разумеется, в книге «Рефлексы головного мозга» (1863) Сеченов попытался доказать, что все акты в жизни людей и животных по способу происхождения суть рефлексы.

**Иван Михайлович
Сеченов
(1829–1905)**

Русский естествоиспытатель и исследователь проблем психологии.

Он формулирует задачи психологии [33]:

- изучение истории развития ощущений, представлений, мыслей, чувств и других элементов психической жизни;
- изучение способов сочетания всех этих элементов между собой;
- изучение условий воспроизведений психических деятельностей.

Итак, мы видим, что Сеченов, признавая физиологию единственным средством, которое может сделать психологию наукой, отнюдь не сводил психические процессы к нервным. Лучше сказать о том, что в системе душа-тело, он выделил третий элемент – *поведение*. Именно с развитием этой новой научной категории связаны основные успехи научной психологии дореволюционной России. Павлов, Бехтерев, Ухтомский, Корнилов – их теории основаны на том фундаменте, который заложил Сеченов, попытавшись превратить психологию в позитивную естественную науку.

Многие свои идеи относительно психологии Сеченов изложил в статье «Кому и как разрабатывать психологию», опубликованную в 1873 г. в ответ на вышедшую годом ранее статью «Задачи психологии» **Константина Дмитриевича Кавелина** (1818–1885). Кавелин трактовал психологию как «положительную науку о душе», считая ее ключом ко всем областям знания. Развивая позитивистские установки, он строил идеалистическую систему. Полемизируя с Сеченовым, Кавелин утверждал, что рефлексы не способны объяснить психические феномены. Признание сводимости психологии к физиологии логически ведет к тому, что «нет никакого основания, да и никакой надобности, предполагать особый психический мир и

душу» (Цит. по: [34. С. 70]). Он предлагает (вполне в духе позитивизма и под влиянием идей Вильгельма Вундта) изучать внешние проявления человеческого духа, выражающиеся в продуктах культуры разных народов.

Отметим в конце лишь, что наряду с естественно-научным направлением в России начинает развиваться и *религиозно-философская психология*. В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк обратились к изучению души человека, признав его переживания основным предметом психологического знания. Это сближало их с экзистенциалистами.

Но все эти концепции были созданы уже в эпоху научной психологии...